

евреев и славян – полустёртые надписи на кладбищенских плитах. Жизнь современного населения Крыма, простых людей видится автору бедной и убогой. По мнению писателя, русское правительство должно проявлять внимание к народностям Крыма, возрождать традиции греческого и татарского земледелия, садоводства, охранять культурные ценности прошлого. «Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бранными останками нашего бытия» [2, с.52].

В наши дни, в подтверждение слов классика, отмечается «угасание языков малых народов Крыма – караимов и крымчаков», которые исчезают вместе со своими народами». (по данным украинской переписи, в Крыму осталось караимов – 671 человек, крымчаков – 204 человека) [10, с.2]. Художественная литература даёт нам богатый материал не только для ознакомления с историей народов Крыма, но и повод для размышлений о дальнейших путях их развития в единстве с другими культурами.

Литература:

1. Венюкова С.В. Севастополь. История в лицах. – Севастополь: Мир, 1998. – 118 с.
2. Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Гослитиздат, 1956. – 800 с.
3. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 318 с.
4. Когонашвили К.К. Краткий словарь истории Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 1995. – 333 с.
5. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. – М.: Правда, 1988. – 576 с.
6. Маркс Н.А. Легенды Крыма. – Симферополь: Таврида, 1990.
7. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1959. – 1962.
8. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. – 304 с.
9. Шавшин В.Г. Балаклава. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 576 с.
10. Казарин В.П. Глобализация и проблема сохранения языкового многообразия современного мира // Литературный Крым. – 2003. – 14 февр. – С.2-3.

Поступила 21.09.2004 г.

ПРИМЕТЫ ЭПОХИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. ШВАРЦА 20-Х – НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ

Н.В. Козленко

В статье анализируется специфика художественной структуры первых пьес Е. Шварца («Ундервуд», «Приключения Гогенштауфена», «Клад»), ее связь с историческими реалиями 20-30-х годов.

Ключевые слова: политический «театр», плакат, лозунг, речевые штампы и клише, символ

У статті аналізується специфіка художньої структури перших п'єс Є. Шварца («Ундервуд», «Пригоди Гогенштауфена», «Скарб»), її зв'язок з історичними реаліями 20-30-х років.

Ключові слова: політичний «театр», плакат, лозунг, мовленнєві штампи та кліше, символ

The specificity of art structures of the first plays E. Shvarts («Underwood», «Gogenshtaufen's adventures», «Treasure»), its connection with historical realities 20-30-th XX century is analyzed in the article.

Key words: political "theatre", poster, slogan, speech stamps and cliché, symbol

Постановка проблемы. Первое десятилетие после революции 1917 г. отмечено небывалым подъемом политического «театра», для которого сценической площадкой стали городские улицы и который включал все традиционные атрибуты – от специфических декораций (лозунги, плакаты, листовки, газеты, воззвания) до агитационно-массовых действий (митинги, собрания, народные суды, «чистки», пьесы-«зрелища»). Деятельность такого «театра» должна была решить насущные задачи новой власти, главная из которых – привлечь на свою сторону народные массы. Следует помнить, что эта деятельность была направлена, в первую очередь, на «низы» общества и велась в стране почти полной безграмотности. Поэтому «театр» был призван не просто разъяснить политическую обстановку, задачи и перспективу борьбы, не просто обрисовать модель поведения в сложившейся ситуации, но и найти тот необходимый эмоциональный, поэтический спектр политической мысли, в

свете которого она становилась более легко, быстро и полно усвояемой, что и обусловило его специфику: наглядность, упрощенность символики, лаконичность, использование разговорно-бытовой лексики, перевод сложных политических фактов на бытовую уровень и т.д. (см. исследования Ю. Тынянова [1], А. Селищева [2; 3], В. Бахтина [4] и др.).

Стремясь донести в доступной форме революционные идеи до самых широких народных масс, новая власть использовала все возможные средства агитации, особенно его наглядные формы, прежде всего плакат. Он проникал всюду: на афишные тумбы, заборы и стены домов, в витрины магазинов и крестьянские избы, в цехи заводов, на вокзалы, в вагоны поездов. Один из первых исследователей советского плаката В. Полонский писал: «Хочет прохожий того или не хочет, занят он или нет, спешит или убивает время – плакат внимание на себя обратил. ...то, что хочет, плакат должен сказать в один прием, без разжевывания, без размышлений. Он весь в этом ударе – односложном, но метком, незамысловатом, но впечатляющем» [5, с.7]. Становясь атрибутом повседневности, плакат был рассчитан не на специальную рецепцию, а на автоматизм восприятия.

Установка на восприятие «без размышлений» приводила и к тому, что мельком виденные лозунги, обрывки плакатных и газетных фраз или воспринимались буквально, или смешивались с обывательским, житейским здравым смыслом, или бездумно заучивались, превращаясь в речевые шаблоны и клише. С особой остротой эти явления были отражены в творчестве сатириков и карикатуристов того периода. Можно найти много примеров тематической, языковой, сюжетной близости в произведениях М. Зощенко, В. Маяковского, Н. Эрдмана, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова, В. Катаева и др. Осмысление этих явлений мы находим и в ранних произведениях Е. Шварца.

Изучая творчество драматурга, многие литературоведы (С. Цимбал [6], В. Головчинер [7], С. Рубина [8], Е. Исаева [9] и др.) отмечают внутреннюю связь его произведений с современностью: «Проблематика пьес Евгения Шварца – философская, посвящена общим законам человеческого бытия, но в своих обобщениях автор всегда исходит из конкретно-социальной действительности» [8, с. 69]. Однако эти выводы, в основном, относятся к более поздним произведениям, в которых драматург исследует проблемы фашизма и тоталитаризма. **Цель** нашей статьи – проанализировать специфику художественной структуры первых пьес писателя («Ундервуд» (1928), «Клад» (1934), «Приключения Гогенштауфена» (1934)), ее связь с историческими реалиями 20-30-х годов.

Следует отметить, что в произведениях Шварца отсутствует резкая речевая индивидуализация героев, которая выражается во введении социальной, профессиональной лексики и синтаксиса, с одной стороны, и сленговой речи определенных отрезков времени – с другой. Герои писателя, как правило, говорят единым в словарном и интонационном отношении языком. Хронологизация речи, связь с определенным историческим периодом резче прослеживается в лишь первых пьесах драматурга. При этом Шварц не увлекается колоритным сленгом революционной эпохи, а исследует природу речевых штампов и клише, их влияние на сознание и повседневную жизнь людей.

Характеризуя специфику лозунгов и плакатных надписей, А. Селищев определяет их как «речевые знаки, приличествующие данному обстоятельству, моменту...» [3, с. 148], выделяя такие их качества, как безличность, категоричность и лаконичность, преобладание таких форм речи, как звательный падеж и повелительное наклонение. Именно эти качества отличают речь Мачика («Глупости! Осмотрись – и борись! Что за ерунда! Не дрожать!» [10, с. 320]), студента Суворова («Не хныкать, не ныть. Что даром дается?! Пустяк даром дается. Война есть война. Вперед!» [10, с.538]), отдельные высказывания Кофейкиной («Не дрожи! Оставь хозяйство! Иди за мной! В два дня ликвидируем врага, и каким путем – небывалым путем!» [10, с. 358]) и Бойбабченко («Предпримем шаги! Убрать! Общественность, местком, стенгазета!» [10, с. 355-356]).

Помимо призывов к определенному поведению, плакаты и лозунги отличает пафос категоричности и идейной направленности оценок, что наиболее полно отразилось в диалоге Кофейкиной и Бойбабченко («Приключения Гогенштауфена»):

«Б о й б а б ч е н к о. ... Только две, значит, вас? Ты добрая, она злая? ... А может, есть ни злые, ни добрые?... Нейтральные?

К о ф е й к и н а. Нету таких.

Б о й б а б ч е н к о. А колеблющиеся? Перестраивающиеся?

К о ф е й к и н а. И таких нету.

Б о й б а б ч е н к о. Ну, хорошо, – хоть отчетливо!...» [10, с. 367-368].

Этот диалог интерпретирует распространенный лозунг того времени: «Кто не с нами, тот против нас». С этих же позиций оцениваются поступки и суждения лесника Грозного («Клад»). Он не испытывает восторгов по поводу строительства новой железной дороги, которая должна пройти по лесным массивам («...зверя мне жаль... Ему приходит конец и гибель...» [10, с. 529]). Суд председателя Дорошенко и ее соратников короткий: «...окаянный старый саботажник... Вредитель»

[10, с. 530-531]; «...вредный старик. Заговорщик» [10, с.522]. Примечательно, что оценку «классовый враг», «вредитель», получали не только «сомневающиеся» в правильности проводимой политики, но и бракоделы, прогульщики, бюрократы (плакаты М. Черемных «Вредителей, агентов классового врага и бюрократов – вон из аппарата пролетарского государства...» (1930), Н. Коршунов, стихи Д. Бедного «Брак – подарок классовому врагу» (1933) и др.). Эта тенденция была положена Шварцем в основу осуждения деятельности бюрократки Упыревой: «...она классовый враг», – которую трудно разоблачить, поскольку у «настоящего классового врага анкета всегда аккуратная!» [10, с. 356-357].

В пьесе «Приключения Гогенштауфена» драматург показывает, что идеологическая оценка любых действий, «навешивание ярлыков» стали настолько распространенными и привычными, что проявляются даже на бытовом уровне, в элементарном выяснении отношений. Так, чтобы легче было бороться с Упыревой, добрая фея Кофейкина из старухи превращается в молодую девушку («Мне в этом виде легче драться, – дыхание, мускулы» [10, с. 397]), что возмущает ее помощницу старуху Бойбабченко:

Б о й б а б ч е н к о. Ах, ты, дезертир, ренегат, изменница!... В разгаре боя свой возраст бросила!

К о ф е й к и н а. Я так подвижной.

Б о й б а б ч е н к о. Врешь, кокетка. Как это противно, когда старая баба так молодится... Уйдешь на минутку – кутеж, бытовое разложение, позор!... Сбрось и мне хоть пять-шесть лет. Погода хорошая, лето» [10, с. 399].

Здесь драматургом затронут еще один очень важный момент бытования заданных оценок и речевых штампов – за ними можно скрыть настоящие мысли и чувства. В то же время штампы не только становятся нормой жизни, но изменяют характер общения, искажают чувства:

З а в е д у щ и й. ...Хотел я записывать впечатления – не мог. Почему? Все время пишу наискось, как резолюции пишутся. И через каждые две строчки подписываюсь. И хочу я, например, писать: прекрасный вид, а пишу: поставить на вид...» [10, с. 415].

Продолжая исследовать проблему речевых клише, ритуальности поведения, драматург показывает их глубокую укорененность в быту, повседневной жизни, где на каждый случай всегда можно отыскать «нужное» слово или выражение:

Б о й б а б ч е н к о (*мечется в азарте*). Ну, это я уж не знаю, что это! У меня от злости все ругательства в голове перемешались! Что крикнуть? Какое слово в таком случае надо сказать? (*Кричит в дверь*.) Можете в автомобиле ездить... Нет, не то. (*Кричит*.) У меня у самой ребенок дома, а я не лезу без очереди – и это не то. Вагон не резиновый, дура такая!...» [10, с. 386].

Говоря о выразительности, эмоциональной насыщенности речи революционного времени, А. Селищев отмечает: «Стремление к эмоциональной образности отразилось на большей части слов и сочетаний, употребляющихся в «переносном значении»... быстро распространяясь в широкой среде, эти слова и сочетания утрачивают образность, эмоциональную силу и становятся обыкновенными названиями-терминами» [3, с. 152]. Одним из таких образных выражений является сочетание «строить новую жизнь», «новый мир» («Мы наш, мы новый мир построим...»). Это выражение очень быстро утратило свое переносное значение и стало восприниматься буквально, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии о новом сознании, новом быте, новой семье, новой культуре, новой молодежи и т.д. Шварц обыгрывает этот языковой штамп, доводя его до абсурда и создавая на его основе оксюморон – «новая старуха». Именно так с гордостью называет себя Бойбабченко: «...мы, новые старухи, – самый, быть может, сознательный элемент!... Я все обдумала. Я даже собираюсь в красном уголке прочесть: «Новый быт и новая старуха». Вот. Я, милая, когда готовлю, мету, шью, у меня только руки заняты, а голова свободна. Я думаю, думаю, обобщаю в тишине, в пустой квартире. Мысли, понятия...» [10, с. 355].

Свою точку зрения Бойбабченко доказывает, опираясь на все те же лозунги, соединенные с обывательским здравым смыслом: «...Почитай газеты, возьми цифры, если мне не веришь. Цифры не соврут. Что есть высшая несознательность? Хулиганство. А за хулиганство сколько старух судилось? Ни одной! За разгильдяйство сколько? Нуль. За бытовое разложение? Ни единой. Да что там, возьми такую мелочь, как прыганье с трамваев на ходу, – мы, старухи, даже этого себе не позволяем. Мы сознательные!» [10, с. 355].

На основе образа Бойбабченко Шварц реализует в структуре пьесы «Приключения Гогенштауфена» еще несколько распространенных лозунгов революционной эпохи: о «привлечении бедноты к практическому участию в управлении» [11, с. 621], создании «обстановки всенародного учета и контроля снизу» [11, с. 601]. Именно этот контроль «снизу» и осуществляет активистка Бойбабченко: «Я все ваше учреждение лучше тебя знаю, – говорит она Кофейкиной, – хоть ты в нем уборщица, а я домохозяйка и не служащая. Ведь мои окна против ваших... Я по хозяйству бегаю, а с вас глаз не свожу. Я все вижу, все понимаю. Кто что делает, мне все понятно. Я ведь за вашей работой еще и по всем

газетам слежу. Сколько я с вашим планом намучилась. Ночи не сплю, бывало. Ах, думаю, доведут ли они план до каждого сотрудника! Мобилизируют ли общественность!» [10, с. 354].

Мы уже отмечали, что направленность агитационной работы на малограмотные слои населения обусловила упрощенность плакатной символики, политических формулировок. С начала 20-х гг. любимыми образами общества, устремленного к коммунизму, светлому будущему, стали паровоз (плакаты «Октябрьская революция – мост к светлому будущему» (1920), Ю. Пименов «За промфинплан против религии, за пятилетки в 4 года...» (1930), М. Доброковский «Мы идем на всех парах по пути индустриализации к социализму» (1931) и др.), строительные леса (плакат «Революцию творят и празднуют рабочие и крестьяне» (1922) и др.) и несколько позже – «лампочка Ильича» (лозунг «Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны»). Эти символы времени нашли свое отражение в пьесе Е. Шварца «Клад». Через горы должна пройти железная дорога, «новая, электрическая, по плану намеченная», «вырасти» новый завод. Именно с ними связывает председатель Дорошенко надежды на светлую, счастливую жизнь, без голода, бед и катаклизмов: «...был вечер в клубе, живая газета... Помню хорошо: ревет ветер, прямо ураган, валит по станице людей, деревья скрипят, лист летит, собаки попрятались, коровы мычат – тревожатся. Исполнялось так: артистка одна танцует новую дорогу, железную, электрическую, что по плану намечена через горы, а другая танцует дикую природу – то нападает на дорогу, то прячется. А классовый враг с другого боку. И так мне захотелось скорее дорогу. Чтобы ушла эта дикость...» [10, с. 529].

Дорошенко не случайно представляет строительство новой дороги не только как противостояние человека и природы, но и как борьбу с классовым врагом. Это еще один своеобразный символ первых послереволюционных лет: любые достижения в науке, производстве, сельском хозяйстве или культуре преподносились как победа над классовым врагом, что ярко отражено в плакатах тех лет (В. Дени «Каждый удар молота – удар по врагу» (1920), «Социалистическим наступлением преодолеем сопротивление классового врага...» (1931), И. Громицкий «Колхозный урожай – удар по кулаку» (1931)), и на долгие годы сохранилось в речи политических деятелей, журналистов, руководителей предприятий и ведомств. Узнав, что студент Суворов получил неопровержимые доказательства существования заброшенных медных рудников, Дорошенко говорит: «Я очень рада. Ты, может, сам не знаешь, как рада... Ты путь наметишь – значит, недалеко завод вырастет, железная дорога скорей пройдет... Ты, может, не знаешь, а я знаю – это по врагу страшный удар» [10, с. 517].

Выводы.

В диалогах, речевой характеристике героев, проблематике пьес Е. Шварца этого периода наблюдается частое обращение к лозунгам, примерам наглядной агитации, что становится одной из форм их интерпретации и оценки. В то же время – это и указание на их распространение, пути формирования стереотипного мышления. Драматург исследует эту проблему по нарастающей: в «Ундервуде» «лозунговая речь» характеризует лишь отдельного персонажа – Мачика. В «Приключениях Гогенштауфена» лозунг лежит в основе не только речевой характеристикой героев, но выступает как один из структурообразующих принципов всей пьесы. При этом драматург показывает героев положительных, которые действительно стремятся создать, построить «новую жизнь», и тон пьесы-сказки не позволяет, на наш взгляд, говорить о едкой сатире. Скорее, это дружеский шарж, пародия на человеческие недостатки, слабости, не мешающие, тем не менее, относиться к героям с симпатией. В пьесе же «Клад» тональность авторской позиции изменяется, становясь тревожной: за расхожими лозунгами, привычкой «навешивать ярлыки» можно не разглядеть, не понять конкретного человека, ошибиться в его оценке.

Анализ произведений Е. Шварца 20-30-х годов еще раз подтверждает глубокую связь его творчества с социальным, политическим, культурным контекстом современной ему действительности, позволяет проследить эволюцию его взглядов, выделить духовно-нравственные основы творчества драматурга.

Литература:

1. Тынянов Ю.Н. Словарь Ленина-полемиста // Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. – М.: Советский писатель, 1965. – С. 197-247.
2. Селищев А.М. Революция и язык // Селищев А.М. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 141-146.
3. Селищев А.М. Выразительность и образность языка революционной эпохи // Селищев А.М. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 147-158.
4. Бахтин В.С. Становление языка и мифологии коммунистической диктатуры в русской литературе, публицистике и фольклоре 20-30-х годов http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/COLLEGS/BAHTIN_YAZIK.html
5. Полонский Вяч. Русский революционный плакат. – М.: Государственное издательство, 1925. – 192с.
6. Цимбал С. Евгений Шварц. Критико-биографический очерк. – Л.: Советский писатель, 1961. – 272с.
7. Головчинер В.Е. Эпический театр Евгения Шварца. – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 184с.
8. Исаева Е.Ш. Жанр литературной сказки в драматургии Евгения Шварца: Автореферат дисс ... кандидата филологических наук. – М., 1985. – 16с.

9. Рубина С.Б. Ирония как структурообразующий принцип пьесы Е. Шварца «Дракон»// Содержательность художественных форм: Межвузовский сборник. – Куйбышев: Издательство Куйбышевского университета, 1986. – С. 61-77.
10. Шварц Е.Л. Предчувствие счастья: Дневники. Произведения 20-30-х годов. Стихи и письма. – М.: Корона-принт, 1999. – 656с. (Все ссылки в тексте даны по этому изданию.)
11. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Избранные произведения: В 3-х томах. – Т.2. – М.: Политиздат, 1970. – С. 592-625.

Поступила 13.09.2004 г.

ТВОРЧЕСТВО С.И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 1870-Х ГОДОВ

Я.П. Кравченко

В статье утверждается мысль о несоответствии творчества С.И. Смирновой-Сазоновой принципам беллетристической школы М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рассматривается эволюция образа «нового человека» в романах писательницы: «Огонек», «Соль земли», «Сила характера».

Ключевые слова: беллетристика, «общественный» роман, «новый человек», «новая женщина»

В статті стверджується думка про невідповідність творчості С.І. Смирнової-Сазонової принципам белетристичної школи М.Є. Салтикова-Щедрина. Розглядається еволюція образу "нової людини" в романах письменниці: "Вогник", "Сіль землі", "Сила характеру".

Ключові слова: белетристика, "суспільний роман", "нова людина", "нова жінка"

There is a thought about discrepancy of Smirnova-Sazonova's creation to the principles of Saltykov-Schedrin's fiction school. It considers also to the evolution of the image of "new man" in the writer's novels: "The Flame", "The Salt of the Earth", "Strength of Character".

Key words: fiction, "public novel", "new man", "new woman"

Постановка проблемы. В русском культурном лексиконе второй половины XIX в. понятие «беллетристика» утверждалось исключительно в нейтральном, классификационном значении. Так называли всю текущую, только что вышедшую литературу, или, точнее, прозу, таким образом отличая ее от поэзии и драматургии. Беллетристика и производные от этого слова свободно употреблялись в литературной среде (см., например, высказывания А.П. Чехова [1, с.258], И.А. Гончарова [2, с.6]).

В последующий период развития литературоведения происходит кардинальное изменение представлений об этом историко-литературном феномене. Понятие «беллетристика» снижается, приближается к значению «бульварная литература». В новейшей энциклопедии термин «беллетристика» однозначно связывается с «прозаическими произведениями невысокого художественного уровня» [3, с.79]. В высказываниях современных критиков и литературоведов нередко наблюдается высокомерное отделение так называемой классики от беллетристики. Превратно используемая терминология приводит к исчезновению подлинности в картине литературной реальности.

В последние годы традиционное толкование исторических понятий и терминов литературоведения восстанавливается. В связи с этим необходим пересмотр тех стереотипов идеологического и социологического происхождения, которые долгое время определяли оценку художественных произведений в угоду тем или иным общественно-политическим интересам.

Цель данного исследования состоит в попытке преодоления заведомо сортировочного подхода к русской беллетристике 1870-х гг., пересмотре традиционного представления о С.И. Смирновой-Сазоновой как второстепенной писательнице.

Формирование беллетристического массива неотделимо от истории литературно-художественных направлений и школ, которые могли реализовать себя лишь постольку, поскольку поощряли деятельность писателей-беллетристов. В 1860-1880-х гг. литературными центрами были журналы; они стремились объединить вокруг себя близких по идейно-художественным целям